

ДИСКУРСОЛОГІЯ: СЕМАНТИКА І ПРАГМАТИКА

УДК 811.111'42

ДИСКУРС И ЕГО КАТЕГОРИИ

И.С. Шевченко, докт. филол. наук (Харьков)

В статье выделяются дискурсивные (когнитивные, коммуникативные) и метадискурсивные категории, гиперкатегория интердискурсивности. Метадискурсивные категории охватывают коммуникативные категории вежливости и кооперации, жанра и стиля, фатическую категорию и операциональную категорию мены коммуникативных ролей – средства структурирования и контроля дискурсивного обмена.

Ключевые слова: дискурс, метадискурсивная категория, структурирование, контроль

Шевченко І.С. Дискурс та його категорії. У статті вирізняються дискурсивні (когнітивні, комунікативні) та метадискурсивні категорії, гіперкатегорія інтердискурсивності. Метадискурсивні категорії охоплюють комунікативні категорії кооперації та ввічливості, жанра та стилю, фатичну категорію та операціональну категорію зміни комунікативних ролей – засіб структурування й контролю дискурсивного обміну.

Ключові слова: дискурс, метадискурсивна категорія, структурування, контроль.

Shevchenko I.S. Discourse and its Categories. This article distinguishes between discursive (cognitive, communicative) and metadiscursive categories, the interdiscursive hypercategory. Metadiscursive categories embrace communicative politeness and cooperation categories, genre and style, phatic category and operational turn-taking category – means of conversational discourse structuring and control.

Key words: discourse, metadiscursive category, structuring, control.

В современной научной литературе, посвященной дискурсу, стали обычными рассуждения о множественности и противоречивости трактовок дискурса. Действительно, в это понятие вкладывается разный смысл в зависимости от исследовательского подхода. Более того, постоянно развиваясь, научная дискуссия о дискурсе приводит к изменению и уточнению его трактовок в работах ведущих специалистов – дискурсологов. Будучи актуальной проблемой лингвистики, дискурс постоянно находится в центре внимания, чего нельзя сказать о категориях дискурса – не менее важной проблеме, которая попала в фокус внимания лингвистов лишь в последнее время. Не случайно потому объектом рассмотрения в этой статье избрана система категорий дискурса как единство дискурсивных и метадискурсивных феноменов, что определяет новизну предлагаемого подхода. Предметом анализа избраны метадискурсивные ка-

тегории, обеспечивающие развитие дискурса как процесса и служащие средством его структурирования. Целью статьи является попытка определения категорий, в частности, метакатегорий дискурса на основе уточненного понимания его природы и характеристик.

Начиная с Фомы Аквинского философы пользуются термином дискурс в его значении, восходящем к етимону (лат.) *discurrere* – *бегать*, *discursus* – *убегать*, *давать информацию*: это дискуссия, обмен информацией, рассуждения [12]. В логико-философской традиции, опирающейся на этимологию термина *дискурс*, противопоставляются дискурсивное и интуитивное знания как знания, полученные в результате рассуждения и в результате озарения. (По И. Канту, познание всякого, по крайней мере человеческого, рассудка есть познание через понятия, не интуитивное, а дискурсивное [12]).

Из понимания дискурса как цепочки рассуждений М. Фуко переходит к его трактовке как способа получения таких рассуждений (знаний) – тому, что он называет “археологией знания” и далее – к практике получения знаний. В его концепции дискурс – это социальная практика [26].

Дискурс – действие, дискурсивная практика становятся объектом современного дискурс-анализа. Как пишет Р. Водак, “критический дискурс-анализ рассматривает дискурс – язык, используемый в речи или на письме, – как форму “социальной практики”, диалектическую зависимость”: с одной стороны, дискурс конституирует ситуации, объекты познания, людей – субъектов познания, а с другой – сам формируется этими параметрами [40, с. 15].

В культурно-ситуативном понимании дискурс трактуется как текст в контексте, как событие (с позиции действия) [34]. Он предстает как “связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и др. факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное, социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах). Дискурс – это речь, “погруженная в жизнь” [4, с. 136–137]. При этом дискурс не подменяет понятие текста – “дискурс обозначает коммуникативный и ментальный процесс, приводящий к образованию некоей формальной конструкции – текста” [28, с. 177].

В нашем понимании дискурс – “интегральный феномен, мыслекоммуникативная деятельность, которая протекает в широком социокультурном контексте; она есть совокупность процесса и результата, характеризуется континуальностью и диалогичностью” [30, с. 28]. Лингвистическим воплощением дискурса как явления, разворачивающегося во времени, служит текст – онтологическая сущность. Именно текст позволяет судить о характеристиках дискурса, которые при этом не сводятся к свойствам самого текста. Характеристики дискурса-события не онтологичны, они конструируются и выходят за пределы лингвистики

как науки, что соответствует принципам когнитивно-дискурсивной парадигмы, определяемой Е.С. Кубряковой как экспансионистская, антропоцентрическая, функциональная, экспланаторная [16, с. 207]. В этом смысле дискурс, обнаруживаемые им когнитивно-коммуникативные свойства – инструмент, “модус описания речевой деятельности, <...> операционального анализа”, который добавляет “детализацию наших представлений о коммуникативной практике” [29, с. 94].

История вопроса о категориях дискурса по сравнению с самим дискурсом насчитывает всего несколько лет. Поднятый в трудах В.И. Карасика [14; 15] как вопрос о четырех группах категорий дискурса, он рассматривается М.Л. Макаровым, который выделяет шесть отдельных категорий дискурса, исходя из коммуникаторо-, в противоположность текстоцентрическому подходу [18]. Е.А. Селиванова решает этот вопрос в ракурсе тексто-дискурсивных категорий целостности, дискретности (членимости), информативности, связности, континуума, референциальности, антропоцентричности, интерактивности, интерсемиотичности, важнейшей из которых признает диалогичность в духе М.М. Бахтина [22, с. 197–239].

Философия трактует категории как формы отражения в мысли универсальных законов объективного мира [23, с. 16]: наши знания об окружающем его мире и о человеке даются в форме понятий, категорий. Категория – (от греч. *kategoria* – высказывание, признак) – предельно общее фундаментальное понятие, отражающее наиболее существенные, закономерные связи и отношения реальной действительности и познания. К основным категориям принадлежат категории материи, движения, пространства, времени и др. Являясь результатом отражения объективного мира в процессе его практического преобразования, категории становятся средством познания действительности с целью ее дальнейшего более широкого и более глубокого преобразования. Следовательно, категории играют большую методологическую роль в науке, без них невозможно научное мышление ни в одной области знания [23, с. 17].

Категории текста и дискурса связаны между собой: первые составляют содержательную основу дискурса. К категориям текста принято относить когезию, когерентность, интенциональность, приемлемость (здесь – интерпретируемость), информативность, ситуативность и интертекстуальность (*cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality and intertextuality*) [33].

Если категории дискурса относительно полно описаны Р. де Бограндом и В. Дресслером (хотя развитие науки последних лет внесло в это описание существенные дополнения), то в лингвистике пока отсутствует общепризнанная классификация категорий дискурса. Так, В.И. Карасик предлагает четырехчленную классификацию категорий дискурса: “1) конститутивные, позволяющие отличить текст от нетекста (относительная оформленность, тематическое, стилистическое и структурное единство и относительная смысловая завершенность); 2) жанрово-стилистические, характеризующие тексты в плане их соответствия функциональным разновидностям речи (стилевая принадлежность, жанровый канон, клишированность, степень амплификации / компрессии); 3) содержательные (семанτικο-прагматические), раскрывающие смысл текста (адресативность, образ автора, информативность, модальность, интерпретируемость, интертекстуальная ориентация); 4) формально-структурные, характеризующие способ организации текста (композиция, членность, когезия)” [15, с. 241].

Уточнение параметров системы категорий позволяет нам с определенной долей условности различать когнитивные, коммуникативные, метадискурсивные категории, а также выделить гиперкатегорию интердискурсивности [31], где две первые группы (дискурсивных) категорий дают представление о содержательном плане дискурса, а метадискурсивные – о его структурировании. В частности, к числу когнитивных категорий дискурса относим информативность – смыслы, передаваемые в ходе коммуникации; когезию как семанτικο-когнитивную связность

дискурса (каузальную, референциональную, темпоральную).

Коммуникативные категории дискурса охватывают интенциональность и адресованность, то есть социально-прагматические свойства отдельных ситуаций общения, а также ситуативность – соотнесенность вербальных и невербальных аспектов общения (перечень отдельных категорий внутри группы может быть продолжен).

В отличие от когнитивных и коммуникативных категорий метадискурсивные категории позволяют судить о плане выражения дискурса – его структуре, организации, развертывании. К метадискурсивным мы относим четыре категории: средства оформления дискурса как процесса – его коммуникативные стратегии и тактики; жанрово-стилистические особенности дискурса; фатическую метакоммуникацию (регулирование речевого взаимодействия в ситуациях установления, продолжения, размыкания речевого контакта) и операциональную категорию мены коммуникативных ролей [31]. Тем самым дискурсивные и метадискурсивные категории находятся в дополнительных отношениях и связаны по принципу содержание :: выражение, диктум :: модус и под.

Понятие “метадискурсивный” введено в научный оборот Дианой Винсент [39], которая рассматривает оценочные метадискурсивные (*meta-discursive*) комментарии как стратегию взаимодействия (*interactional strategy*), с помощью которой говорящий сохраняет очередность говорения, несмотря на “шокирующий или необычный” характер беседы, постоянно создавая впечатление, что он виртуально передает ход слушающему [35]. На уровне речевого взаимодействия метадискурсивные комментарии имеют целью привлечения внимания собеседника (*Do you understand what I want to say?*), на уровне текста – привлечение внимания к выделенным элементам беседы (*I'm telling you this because*), на эмоциональном уровне – подчеркивание отношения говорящего к дискурсу (*It makes me sad to say*) [35, с. 1615–1616].

В науке использование префикса “мета-” на сегодняшний день имеет две основные тенден-

ции: с одной стороны, он понимается как синоним “псевдо”, или “сопутствие”. Так, согласно модели Г. Бейтсона, коммуникация осуществляется на двух уровнях: коммуникативном и метакоммуникативном, где первый имеет стандартную трактовку, а второй “задает модус передаваемости сообщения” [20, с. 32–33]. Сопутствующая природа метакоммуникации, определяется В.И. Карабаном как прагматическое отношение способствования речи [13, с. 80].

С другой стороны, в лингвистике при описании естественных языков метаязык выступает как специальный язык, на котором осуществляется представление другого языка, формализованного для соответствующего описания, это язык второго порядка (таков метаязык семантических примитивов Ю.Д. Апресяна, А. Вежбицкой и др. [1; 6]). В информатике метаданные трактуются как дополнительные данные, служащие для описания имеющихся. В философии постмодернизма трактовка метаязыка восходит к работе Р. Барта “Литература и метаязык”. Используя второй, метатеоретический подход, изучающий место метатеорий в системе наук о языке [8], Т.Л. Верхотурова определяет метакатегории как лексически выраженные категории столь универсального характера, что они способны осуществлять “стыковку” самых различных научных дисциплин и теорий. Они используются в научных концепциях как инструменты понятийно-методологического аппарата. В силу широты и универсальности своей концептуально-семантической основы такие категории не имеют единообразного, универсального определения и проявляют естественную зависимость от научной дисциплины, конкретной концепции и анализируемого с их помощью материала. Понятийная вариативность метакатегорий указывает на существование различных путей концептуализации, на динамику концептуальных структур. В частности, к метакатегориям подобного рода относится перцептивно-когнитивная категория “наблюдатель” [7].

Метакоммуникация может иметь и иное употребление – для номинации процесса перевода и подчеркивания вторичности коммуникации по ли-

нии “переводчик – читатель метатекста” и ее зависимости от первичной коммуникации “автор – читатель прототекста”.

Исходя из первой трактовки “мета” как сопровождающего явления и метадискурсивности как фактора “управления интеракцией” [35, с. 1614], к метадискурсивным категориям относим: коммуникативные стратегии и тактики, жанрово-стилистические особенности дискурса, которые характерны как для диалогического, так и монологического дискурса.

Стратегии дискурса принято связывать с коммуникативными постулатами (*discourse maxims* [36]), т.е. принципами успешного общения. Их разнообразие в соответствии с мотивами и интенциями участников дискурса находит выражение в конкретных тактиках. Если общение соответствует правилам данного социума, эти характеристики дискурса остаются незамеченными. Они осознаются только в случае коммуникативного сбоя [15].

Жанрово-стилистические (формально-структурные) категории текста позволяют установить его содержательные характеристики, будучи неразрывно связанными с семантико-прагматическими и категориями. В дискурсе жанрово-стилистическая метакатегория определяет выбор форм высказываний и текстов в зависимости от определенных дискурсивных формаций, свойственных тем или иным сферам социальной практики и заданных культурной традицией народа. Однако типы дискурса – “языкового коррелята соответствующей сферы коммуникативно-речевой деятельности, человеческого сознания и практики” [27, с. 34]) – не тождественны функциональным стилям. Если первые, по мнению В.Е. Чернявской, выделяются на основании содержательно-смысловой общности, то вторые – общности формы общественного сознания, в результате чего количество функциональных стилей конечно (как правило, их выделяют пять – публицистический, научный и т.д.), в то время как дискурсов бесконечно много (можно говорить о дискурсе химии, генетики и под., но не существует “функционального стиля генетики”) [29]. Так, в соответствии с конкретным стилем

В.А. Самохина обнаруживает как формирование “вертикального среза дискурса”, так и “переключение” тональности в рамках одного типа дискурса [21, с. 34].

Среди категорий, отнесенных нами к числу метадискурсивных, операциональными (то есть, происходящими спонтанно, в режиме реального времени [38]) характеристиками обладают категории мены коммуникативных ролей и фатической метакоммуникации, присущие диалогическому дискурсу. Категория мены ролей понимается как внутренняя организация диалогического дискурса [32, с. 36] и признается “основополагающим фактором” его динамической организации [18, с. 192]. Эта метакатегория восходит к категории отношения, предложенной Аристотелем для описания связи как зависимости одного явления от другого [3]. Именно связь отдельных ходов коммуникантов в дискурсивном обмене и взаимозависимость этих ходов (в тематическом, интенциональном, синтаксико-семантическом и др. аспектах) обеспечивает процесс речевой интеракции в диалогическом дискурсе.

Мена коммуникативных ролей (англ. *turn-taking*) определяется как передача роли говорящего от одного участника общения другому [24]. Категория мены ролей обеспечивает развитие дискурса и продвижение информации, “контролирует развитие темы и отражает стратегии и тактики участников интеракции” [2, с. 8], что раскрывает ее операциональную природу (ранее мы предложили термин “операциональная метакатегория” [31]) (иные термины, акцентирующие различные стороны этой категории, используют О.С. Иссерс (“диалоговая категория”) и И.Е. Фролова “речеорганизирующая категория” [11; 25]). Тем самым, как уточняет И.Н. Лавриненко, мена ролей – это “операциональная метадискурсивная категория, которая обеспечивает структурирование и регуляцию диалогического дискурса в режиме реального времени путем перехода роли говорящего от одного участника общения к другому, добровольного принудительного завершения коммуникативного вклада одного коммуниканта и присвоения права на вклад другим” [17].

По мнению Г.Г. Почепцова, фатическая метакоммуникация направлена на включение/переключение внимания адресата на сообщение, поддержание на нужном уровне внимания адресата в период передачи сообщения и размыкание речевого контакта [20, с. 52]. Ю.В. Матюхина определяет фатическую метакоммуникацию как “низкоэнтропийный компонент коммуникации, служащий вербальным средством организации речевого взаимодействия и обеспечения эффективной передачи когнитивной информации в дискурсе. Она реализуется специализированными средствами – речевыми стереотипами, неспециализированными вербальными и невербальными средствами; характеризуется доминированием социально-регулятивной информации, конвенциональностью и ритуализованностью” [19, с. 12].

Подобно категории мены коммуникативных ролей фатическая метакоммуникация обладает свойствами социального воздействия: в ней, как правило, не происходит передачи существенной информации, а осуществляются определенные социальные акты – приветствия, прощания, представления и др. При этом собеседники руководствуются целями организации и регулирования социального контакта, но не целями сообщения существенной информации. Это свойство фатической метакоммуникации позволяет трактовать ее как интеракционное общение (*interactional communication*), направленное на установление и поддержание межличностного контакта (*establishing and maintaining social relationships*) в отличие от транзакционного общения, целью которого является сообщение когнитивной информации (*meaningful talk*) [5, с. 20; 37, с. 44].

Вместе с тем, фатическую категорию нельзя в полной мере считать операциональной, лишенной когнитивной информации. С одной стороны, информативность обладает градуальным характером и о ее наличии / отсутствии можно говорить лишь в терминах “более / менее”; с другой стороны, категории имеют области пересечения в силу прозрачности, нечеткости своих границ. Так, информационное наполнение фатической метакоммуни-

кации, в определенной степени присущее приветствиям, прощаниям и т.п., особенно заметно в таких жанрах непрямой коммуникации как *small talk* и флирт [10; 15, с. 56]. Это свойство ограниченной информативности представляется важнейшим отличием фатической категории от категории мены ролей, которая в отсутствие собственного информативного наполнения служит лишь средством структурирования, продвижения дискурса и, следовательно, является операциональной метадискурсивной категорией.

Сказанное позволяет рассматривать метадискурсивные категории дискурса как градуальные относительно шкалы информативности: коммуникативные стратегии дискурса, его жанрово-стилистические характеристики тяготеют к полюсу *max*, фатическая метакатегория занимает промежуточное положение на шкале, а категория мены ролей практически лишена информативности и принадлежит к полюсу *min*.

Наконец, гиперкатегория интердискурсивности реализуется как через дискурсивные (когнитивные и коммуникативные) категории, так и через метадискурсивные категории. В последнем случае стратегии и тактики одного типа дискурса переносятся в другой (например, тактики, характерные для дискурса проповеди, присущи политическому дискурсу Буша [9], жанровое оформление дискурса современных СМИ пестрит формами, типичными для иных типов дискурса) и т.п.

Таким образом, метадискурсивные категории является неотъемлемой и важной частью системы категорий дискурса наряду с дискурсивными категориями. Если первые соответствуют структурным, то вторые – содержательным характеристикам дискурса, причем среди метадискурсивных категорий мена коммуникативных ролей в наибольшей степени по сравнению с категорией фатической метакommunikации демонстрирует операциональные свойства обеспечения развертывания и структурирования дискурса как процесса. Дальнейшее изучение категорий дискурса перспективно продолжить в плане выявления общего и отличного в системах дискурсивных и метадискурсивных категорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян, Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX века [Текст] / Ю.Д. Апресян // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1999. – Т. 58. – № 4. – С. 39–53.
2. Аристов С.А. Прагмалингвистическое моделирование мены коммуникативных ролей : автореф. дис. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / С.А. Аристов. – Тверь, 2001. – 19 с.
3. Аристотель. Категории // Аристотель. Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории. – Мн. : Литература, 1998. – С. 1113–1166.
4. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990.
5. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений. Люди, которые играют в игры. Психология человеческой судьбы ; пер. с англ. – Минск : Прамеб, 1992. – 383 с.
6. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
7. Верхотурова Т.Л. Лингвофилософская природа метакатегории “наблюдатель” : дис. ... доктора филол. наук : 10.02.19 / Т.Л. Верхотурова. – Иркутск, 2009. – 366 с.
8. Вышкин Е.Г. Метатеория как способ систематизации лингвистического знания : дис. ... доктора филол. наук / Е.Г. Вышкин. – Самара, 1999. – 372 с.
9. Горина Е.В. Когнитивно-коммуникативные характеристики американского электорального дискурса республиканцев : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 “Германские языки” / Е.В. Горина. – Харьков, 2008. – 20 с.
10. Дементьев В.В. Непрямая коммуникация и ее жанры / В.В. Дементьев. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 248 с.
11. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О.С. Иссерс. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 284 с.
12. Кант И. Критика чистого разума / И. Кант. – М.: Мысль, 1994. – 592 с.
13. Карабан В.И. Сложные речевые единицы: прагматика английских асиндетических полипредикативных образований / В.И. Карабан. – К. : Вищ. школа, 1989. – 132 с.
14. Карасик В.И. О категориях дискурса / В.И. Карасик // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты : сб. науч. трудов. – Волгоград – Саратов : Перемена, 1998. – С. 185–197.
15. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
16. Кубрякова Е.С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е.С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века. – М. : РАН, 1995. – С. 144–238.
17. Лавриненко И.Н. Стратегии и тактики мены ком-

- муникативных ролей в современном англоязычном кинодискурсе : автореф. дисс. на соискание учен. степени канд. филол. наук : спец. 10.02.04 "Германские языки" / И.Н. Лавриненко. – Харьков, 2011. – 20 с. 18. Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М. : ИТДГК "Гнозис", 2003. – 280 с. 19. Матюхина Ю.В. Развитие системы фатической метакоммуникации в английском дискурсе XVI – XX вв. : дисс. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Матюхина Юлия Владимировна. – Харьков, 2004. – 240 с. 20. Почепцов Г.Г. Теория коммуникации / Г.Г. Почепцов. – М. : Рефл-бук; К. : Ваклер, 2001. – 656 с. 21. Самохина В.А. Современная англоязычная шутка : монография / В.А. Самохина. – Х. : ХНУ, 2008. – 356 с. 22. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации / Е.А. Селиванова. – К. : ЦУЛ "Фитоцентр", 2002. – 336 с. 23. Спиркин А.Г. Философия : учебник для тех. вузов. – М. : Гардарики, 2000. – 368 с. 24. Сусов И.П. Лингвистическая прагматика / И.П. Сусов. – Винница : Нова Книга, 2009. – 272 с. 25. Фролова І.Є. Стратегія конфронтації в англomовному дискурсі : монографія / І.Є. Фролова. – Х. : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2009. – 344 с. 26. Фуко М. Археология знания / М. Фуко. – СПб : ИЦ "Гуманитарная академия"; Университетская книга, 2004. – 416 с. 27. Чернявская В.Е. Интертекстуальность и интердискурсивность // Текст – Дискурс – Стил. Проблемы экономического дискурса. – СПб. : Изд-во СПб. гос. ун-та экономики и финансов, 2003. – С.11–22. 28. Чернявская В.Е. Коммуникация в науке: нормативное и девиантное. Лингвистический и социокультурный анализ / В.Е. Чернявская. – М. : Либроком, 2011. – 240 с. 29. Чернявская В.Е. Дискурс как фантомный объект: от текста к дискурсу и обратно? / В.Е. Чернявская // Когниция, коммуникация, дискурс. – Междунар. эл. сборник научн. трудов. – 2011. – Вып. 3. – С. 86–95. – Режим доступа : <http://sites.google.com/site/cognitiondiscourse/> 30. Шевченко І.С. Дискурс як мисленнево-комунікативна діяльність / І.С. Шевченко, О.І. Морозова // Дискурс як когнітивно-комунікативний феномен. – Х. : Константа, 2005. – С. 21–28. 31. Шевченко І.С. Категорії дискурсу як евристична проблема / І.С. Шевченко // Каразінські читання. Людина. Мова. Комунікація : міжнар. наук. конф., 5 лютого 2010 р. : тези доп. – Харків : ХНУ імені В.Н. Каразіна, 2010. – С. 336–338. 32. Ballmer Th. Speech act classification / Th. Ballmer, W. Brennenstuhl. – Berlin etc. : Mouton de Gruyter. – 1981. – 274 p. 33. Beaugrande R. de. Introduction to Text Linguistics / R. de Beaugrande, W. Dressler. – L. : Longman, 1981. – 270 p. 34. Dijk T.A. van. Text and context. Exploration in the Semantics and Pragmatics of Discourse / T.A. van Dijk. – L. : Longman, 1977. 35. Heisler T. Evaluative metadiscursive comments and face-work in conversational discourse / T. Heisler, D. Vincent, A. Bergeron // Journal of Pragmatics. – 2003. – V. 35 – P. 1613–1631. 36. Grice P. Logic and conversation / P. Grice // Syntax and Semantics. – NY : Academic Press, 1975. – P. 41–58. 37. Levinson S.C. Pragmatics / S.C. Levinson. – London etc.: Oxford University Press, 1983. – 420 p. 38. Sacks H. Et al. A simplest systematics for the organization of turn-taking for conversation / H. Sacks, E.A. Schegloff, G. Jefferson // Language. – Vol. 50(4). – Part I. – 1974. – P. 696–735. 39. Vincent D. A Few Remarks On Metadiscursive Utterances Constructed with the Verb DIRE / D. Vincent, D. Deshaies, M. Laforest, C. Paradis, L. Perrin // NWAVE 27. – Athens, 1998. – P. 217–250. 40. Wodak R. Disorders of Discourse / R. Wodak. – L. : Longman, 1996. – 180 p.